

Я заболел неожиданно, и непонятно было — грипп это или простуда, «накашляли» или виной перепады температуры между спертым воздухом метро и сыростью столичных улиц. Бросало в жар и перехватывало горло. Да, в который раз уснул у тебя, после до-о-олгой такой ночи разговоров, очнулся утром — лови подарок на очумевшую голову, подарок в виде насморка, кашля и прочих прелестей. Созвонился с начальством — дали пару дней прийти в себя.

Ничего не помогало. Прямо как в рекламе. Трясло, сухость во рту, озноб. Правда, это не было заметно (ну если только чуть-чуть) за непрерывными беседами с тобой. Ты заваривала крепкий чай с мятой и лимоном, сладкий, принесла из походов на «свежий» столичный воздух мед и вдобавок кучу пакетиков «Терафлю» — все-таки кто-то из нас пал жертвой рекламы. Мед, креветки и свежие помидоры — в столице, в январе! Никогда не думал, что журналист может жить... безбедно? Не то слово. Богато? Не совсем про тебя, но ближе.

Помнишь, я говорил о Хемингуэе с напряженной осторожностью? Не совсем доверяю я людям, половине планеты рассказывающим, что настоящий праздник — это сыр и белое вино в Париже. Он не жил, очевидно,

в 98-м в Ори, когда праздником был стакан кофе из пакетика «три в одном» под сигарету без фильтра. Наварили воды, наелись... А вот в 2001-м креветки в столице — ну какой это праздник? Праздник — это ты.

Ноутбук тебе купили же. Я отказался от помощи менеджера и сам высматривал по ценникам с техническими характеристиками подходящую модель. Выбрал то, что купил бы себе. Менеджер подошел второй раз и резиновой улыбкой приклеился-таки к тебе, но ты и его провела — дозвонилась (мини-«Нokia», титановый корпус) до дядюшки там, в Ори, в центре комплектующих (почему сразу не сказала? под сердцем груди пиявок мерзко шевельнулась — не доверяешь?), и стала зачитывать ему цифирки с маленького листочка — наши, чем цену прикрыть.

Ну конечно, ага, на цену сиди- и дивиди-приводов смотрит дядя, а фильмы, лицензионные и не очень, смотрим ты да я, на этом еще экономить, когда такие премии нечаянно свалились. Вст, берем! И диск «Матрицы» бонусом, еще бы отказываться, ты ведь не видела?

Ну и вот, темнело, смотрели кино, поедали вкусняшку, но я все равно выкашливался весь и почти без остатка. «Матрица, Матрица, а от какого слова эта ваша Матрица, ммм?» — «Какая разница, они воевали с Системой!» — «Системой чего? Жизнеобеспечения и пожизненной заботы?» — «Ты к чему?» — «Знаешь что... Собирайся-ка, поедем в одно странное место» — «Куда еще? Я дышать-то почти не могу!» — «Мне кажется, скоро сможешь».

Метро, метро — столичная сказка, быть и... и скука. Когда привыкнешь к скорости и непрестанному гулу, тянет чем-то себя занять. Тогда еще читали книжки. Настоящие книжки, из бумаги. Я же разглядывал лица, отвернув глаза и сделав вид, что не замечаю, как тебе строит глазки типус в меховом пальто, — а очень хотелось наброситься и вышвырнуть на очередной станции. «Станция!» — и это уже нам, пробиваемся на выход, рука в руке. Как холодна твоя ладошка, или это я в жару?

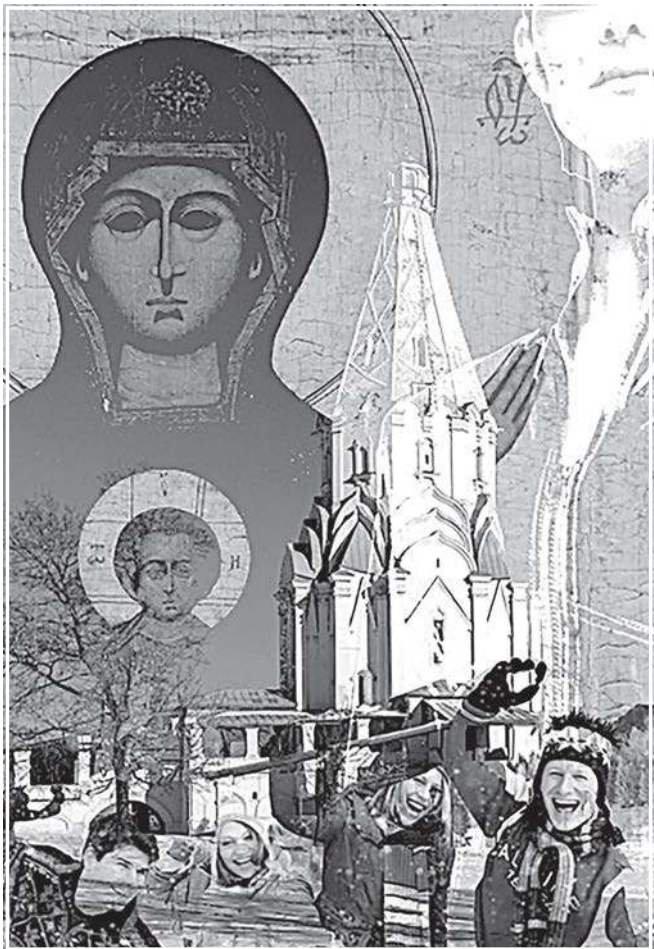
Темень, огни, кружится голова, восторженно вскрикивают дети, кто-то поверх их смеха басовито похохатывает, а меня тянет упасть и забыться...

«Недолго выстоять осталось, дорогой, крепись!» И я креплюсь, хотя все вокруг — мельтешение огней, росчерки световых линий, света, света — правда, что ли, Матрица? И куда это мы пришли?

Музей-заповедник «Усадьба "Коломенское"».

Посреди мегаполиса — старина деревянных изб и стрельчатых башенок церковок, каких не видел больше нигде. «Не успели, музейчики внутри зданий закрываются в двадцать тридцать, а сейчас сколько? У-у-у-у, уже без десяти, но ладно, я не за этим тебя привела».

Шли через строения и строеньица, надо же, я и не думал, что где-то подобное может быть — стены-срубы, луковицы куполов буд-

Иллюстрация автора

то вот-вот взмоют в небо, а ведь находятся язвы: «За две тысячи лет могли бы стать современнее, ближе к человеку» — эти храмы ближе к небу. И, кстати, да — такие купола у индуистских храмов, в десятки раз более старших — древние, прошедшие от Волги до Инда, строили так, тысячелетия стоят эти контуры, впечатанные в звездное небо, да, высыпали звезды, что, уже легче дышать? «Что стоим?» — овраг, а на той стороне холмина, и сквозь тьму угадывается форма церковки. «Все равно я не помню туда дорогу» — и, наверное, по сей день помнят заиндедевские яблони твой смех, ты съезжала по склону в плащике за тысячу долларов, и по той стороне мы карабкались, срываясь, подтягивая друг друга, ты да я, да мы с тобой, кто нам нужен?

Помню, вздумал пошутить: «Сейчас переступлю порог, и демоны из меня так и полезут, так и повалятся», — ты взглянула строго и на-

бросила платок. Надо же, с собой несла в сумочке, а как положила — и не заметил. «Сними шапку, шутник», — из-за двери пахло теплом и чем-то тонким, едва заметно летящим сквозь холод. И вошли.

Я ведь не разбираюсь в иконах. Казанской Божьей Матери от Владимирской не отличу. Ты сама подвела меня к Образу посреди церкви: «Поставь свечку вот так, расплавь донышко и прикрепляй». А в двух шагах стоял батюшка и смотрел удивленно и настороженно. Что во мне могло так привлечь внимание? Руки тряслись — это да. И самого меня трясло бешеной тряской, и холодный пот мерзко выступал на лбу. Я поставил свечу, так и не перекрестившись, про себя прошептав просто первое, что пришло: «Прости», — и Богоматерь смотрела так печально, словно предвидя судьбу Сына и миллиарды судеб...

«Ты чего выскочил?» — «Не могу, курить хочу» — «А что шапка? А что нараспашку?»

Было всего-то около нуля, обещали — скоро будет таять снег. Яблоневый сад, высаженный по холму вдоль дороги-подъема, словно пригнулся к земле перед величием Того, Кто Спас.

«Ну, прошел кашель?» — и я получил снежком по шапке. Твой переливчатый смех — и прилетели еще два.

Между яблонь, опущенных мягким снегом, бегали, смеясь, двое, а над их смехом тихо сияла звезда.